

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ОБЩЕСТВО БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЯ-ГАНГА»

**БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ИСКУССТВО**

СЕДЬМЫЕ ДОРЖИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
БУДДИЗМ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Материалы конференции

Улан-Удэ

6–8 июля 2016 года

**Санкт-Петербург
2018**

Буддийское восприятие мира в краткостишиях монгольских народов

В данной статье анализируются поэтические тексты малых размеров в структурно-семантическом аспекте. Поэзии монгольских народов близки такие мотивы, как буддийское состояние покоя, совершенствование мысли и духа. Путь нравственного совершенствования — основной путь буддийской культуры — был главенствующим во всей восточной и дальневосточной поэзии. В итоге исследования необходимо констатировать, что в поэтике краткостиший монгольских народов буддийские философские идеи о состоянии мира и души использованы как в оригинальном виде, так и с авторскими нововведениями на ассоциативном уровне.

Ключевые слова: монгольская и бурятская поэзия, японские хайку, Л. Дашням, Б. Дугаров.

В современном поэтическом мире монгольских народов роль буддийского влияния на художественное мышление определяется как знаковое для осознания ментального творческого «я». Идея онтологического восприятия согласно буддийской концепции мира имеет решающее значение в современной поэзии монгольских народов. Буддийское восприятие мира сегодня рассматривается как феномен собственной культуры монгольских народов и исследуется в структурно-функциональном, культурно-семантическом и историко-генетическом аспектах. Необходимо особо подчеркнуть, что в творчестве поэтов, пишущих на родном языке, естественно присутствующие на интуитивном уровне укоренившиеся буддийские темы и мотивы почти не выделяются из общих древних традиционных архетипических художественных образов. В данной статье предпринята попытка анализа поэтического текста малых размеров в переводе на русский язык в структурно-семантическом аспекте. Как известно, этнокультурное сознание и язык неотделимы, и каждый перевод, даже подстрочная передача мысли, есть один из видов интерпретации текста-оригинала.

Название книги трехстиший монгольского ученого и писателя Л. Дашняма «Берестяная тетрадь» (*Үйсэн дэвтэр*) вызывает аллюзии с древними берестяными рукописями, например, «Письма золотого дворца на бересте» (*Алтан ордоны үйсэн дээр бичиг*). Структурно, композиционно и графически книга продумана в едином стиле: 1001 краткостишие выстроено по алфавиту от «а» до «я» с особыми орфографическими знаками. Как бесконечны, многообразны и витиеваты сказки «Тысячи и одной ночи», так и короткие стихи Дашняма охватывают множество идей и размышлений, собранных за долгие годы. Их можно читать и с начала, и с конца, словно ходя по кругу, — смысл не меняется. В японских хайку разворачивается

одна заданная тема, а в трехстишиях Дашняма тему определяет начальное слово, которое, повторяясь в разных вариациях, образно и символически раскрывает идею автора. В «малое пространство» стиха лаконично вмещается вселенная поэта и философа.

Мгновенье, пойманное в знаменитом хайку Басё, подспудно становится притягательной силой для всех, кто пишет в стиле трехстиший. Л. Дашняма в предисловии к своей книге анализирует особенности японского хайку и подражаний ему в мировой литературе. Естественно, обращаясь к короткому жанру, состоящему из трех строк, поэт соотносит свои стихи с японским хайку. Автор «Берестяной книги» соблюдает трехстрочную структуру, но 17-сложных стихотворений (размер, обязательный для хайку) среди его текстов немного. Как считает поэт, японские хайку — это целый мир со своими законами. Внешние формы и художественные образы хайку можно использовать, но японское мышление с особым видением пространства, времени, предмета, пейзажа, настроения не повторить. По верному замечанию А. Мещерякова, японская культура — это культура детали, а не целого [3, с. 251]. Трехстишия Дашняма, естественно, близки к хайку в композиционном и художественно-образном плане, но это иной мир со своим монгольским менталитетом, обусловленным огромным степным пространством.

Особенность японского короткого текста — недосказанность, полутона и намек — в поэзии Дашняма имеет свои нюансы. Совмещение несовместимого в японской поэзии подчиняется внутренним законам, связанным со структурой и четко принятыми символами, отработанными веками утонченного художественного мышления. У монгольского поэта необычность ассоциативного ряда имеет свои логические, подтекстовые связи, которые не сразу расшифруешь. Стихи Дашняма зачастую выглядят как внутренние, сиюминутные размышления. Иногда трудно постичь его конечную идею, а, возможно, и сам он не знает ответа на свои вопросы — он размышляет, не ставя цели обязательно поставить все точки над *i*, ибо мир можно познавать бесконечно.

Созерцательность мышления, буддийская философия восприятия мира создают неповторимый характер восточных трехстиший: *Мяндас зөөлөн бороо / Миний сэтгэлийг хааш нь дуудна вэ? / Мянган жил ийм л байсан гэж уу? — 'Мягкий, как шелковые нити, дождь / Куда зовет мою душу? / Неужели так и было тысячелетиями?'* [6, с. 99]. От этих строк в душу нисходит необыкновенный покой — приходит понимание, что все вечно и непреходяще. Образ дождя, снега, тихо нисходящего с небес на землю, во всей мировой поэзии ассоциируется с состоянием грусти, покоем какого-то вселенского масштаба. Необходимо заметить удивительно точное сравнение дождя с тянущимися шелковыми нитями. Как и в японской поэзии, здесь чувствуется «за внешней простотой и свободой самовыражения, за

кажущейся сиюминутностью их выражения доведенный до совершенства профессионализм» [4, с. 9].

Краткостишиха как на монгольском, так и бурятском языке имеют содержательные особенности, обусловленные укоренившимся буддийским философским восприятием мира. Свои миниатюры бурятский поэт Д.-Д. Очиров назвал «Две капли» (*Хоёр дуһалнууд*), «Три капли» (*Гурбан дуһалнууд*), «Четыре капли» (*Дүрбэн дуһалнууд*). Пейзажная тема с оттенком тихого понимания и восприятия всего существующего характерны для миниатюр поэта: *Шэниисэ таряанай орооһод / Шэнги адлиханууд / Наартай намжаа үдэрнүүд / Намарай эхээр тогтохо* — ‘Похожие / На ровные зерна пшеницы / Мягкие светлые дни / Стоят в начале осени’ [7, с. 124]. Восточное мышление интуитивно, и неразрывная связь внутреннего мира с внешним открывает идеальную структуру мира.

Для сравнения приведем четверостишие Н. Ленхобоевой-Артугаевой, представляющее собой пейзажную зарисовку как сиюминутный импульс души: *Үглөөгуур шүүдэр нойрмоглон, / Үүр сайхыг хүлээнэ. / Нээлгээтэй сонхоор һарабишалан, / Наранай элиэ шагаана* — ‘Ранним утром роса в дреме / Ждет рассвета. / В раскрытое окно из-под ладони / Луч солнца заглядывает’ [2, с. 93]. Образы «дремлющей росы в предутренний час» и «луча, заглядывающего из-под ладони» придают эмоционально-экспрессивную тональность лаконичному рисунку мгновения жизни природы.

В современной поэзии монгольских народов буддийская ориентация, внутренняя религиозность поэта зачастую не только обозначена тематически, но и внедрена в ткань произведений как генетический код. В связи с этим стоит обратить внимание на такое явление, как состояние души поэта. Так, например, в поэзии Н. Ленхобоевой-Артугаевой вопрос пребывания в равновесии с миром и самим собой — философский. Она, по буддийской концепции, приемлет добро и зло в этом мире с благословением: «Ночь и день, тьма и свет — / в этом мире все для равновесия. / После ночи приходит рассвет, / После счастья — полоса невезения» [2, с. 31]. Здесь нет демонстрации буддийских принципов, это ее естественно-природный уровень бытия. Краткостишиха Очирова и Ленхобоевой-Артугаевой на ментальном уровне подспудно открывают особенность задумчивого, созерцательного единения с миром природы, характерные для буддийской философии.

Л. Дашнямю удалось не быть монотонным в таком большом объеме малого жанра. И этого он достиг разнообразием стиля (разговорный, диалоговый, монологический), композиции, интонации (шутливая, задумчивая, грустная, насмешливая). Все это дополняется выбором соответствующих грамматических форм: *Мартжээ / Мартсан хүмүүс намайг ч мартаж / Би ч бас өөрийгөө мартаж, мартагдаж!* — ‘Забыл / Забывшие люди и меня забыли / Я и сам себя забыл и позабылся!’ [6, с. 93]. Полушутливый тон, тихая добрая улыбка, характерное для монголов подтрунивание над со-

бой и друзьями диктуют разные формы обращений и констатаций в его коротких текстах.

Портретная зарисовка мгновения жизни в теплом шутовском тоне открывает еще одну черту характера автора книги. Надо заметить, что поэт к жизни относится с буддийским всепрощением и теплым пониманием: *Гэрийнхээ хаяанд гараа базлан суугаа / Онигор нүдэн энэ өглөө / Гэв гэнэт санаа алдах нь юув!..* — ‘У стены своей юрты, прижимая руки к груди, / Сидевшие узкие глаза в это утро / Внезапно к чему-то вздохнули!..’ [6, с. 59]. В небольшой сцене создается целая эмоциональная картина: в беспокорстве сжимая руки и воздевая глаза к небесам, героиня в безмолвии выражает все свои скрытые эмоции. Мельком увиденная сцена явно вызывает в душе автора такое же безмолвное сопереживание и сочувствие.

В буддийском мировоззрении материальное и духовное, психическое и физическое взаимообусловлены. Безмолвие, один из аспектов небытия, несет в художественной системе краткостиший Б. Дугарова глубокую смысловую нагрузку: тишина дает возможность вслушаться в себя и в мир, приблизиться к его тайнам: «Лежать на зеленой траве. / Глядеть в небеса»; «Есть счастье такое — / жить на окраине мира» [1, с. 226, 228]. У Дугарова понятие «небытие» имеет суггестивный характер, наблюдается синтез европейской отрешенности от бытия с буддийской полнотой пустоты. «Безмолвная звездная жуть», связанная с безжизненной, предельной пустотой, тесно переплетается в его поэзии с образом печали, где печаль не состояние разлада, а гармония с миром: «О лани / моих сокровенных печалей! / Вам хорошо ли со мною / на солнечных склонах / гор моей Азии?» [1, с. 216].

В рассуждениях героя семантика пустоты от образа отсутствия, печали переходит к образу порождения, возникновения, что очень близко концепции пустоты в поэзии Серебряного века. Поэтам Серебряного века буддийская концепция пустоты не была чужда. В. Соловьев в статье «Буддистское настроение в поэзии» устанавливает существенный параллелизм предсимволистской эстетики и буддийских представлений о «мнимости» земного мира и о ничто [5, с. 162]. Лирический герой чутким сердцем слушает тишину и безмолвие, и уход в себя сопряжен с открытием сокровенных душевных глубин: «Июньский полдень. Синева. / В душе печаль» [1, с. 230]. Восточное мышление во всем лелеет гармонию — путь ненарушения природы вещей. Человеку нужно время для размышлений, для рассматривания мира. Подобное состояние души близко принципу «бесстрастия», также буддийского происхождения.

В итоге необходимо констатировать, что в поэтике краткостиший монгольских народов буддийские философские идеи о состоянии мира и души использованы как в оригинальном виде, так и с авторскими нововведениями на ассоциативном уровне. В литературе восточных народов, куда входит и поэзия монгольских народов, художественно-эстетические идеалы обуслов-

лены типически сходным буддийским настроением и мироощущением. Поэзии монгольских народов близки такие мотивы, как буддийское состояние покоя, совершенствование мысли и духа. Путь нравственного совершенствования — основной путь буддийской культуры — был главенствующим во всей восточной и дальневосточной поэзии. Идея нравственной жизни в поэзии монгольских народов, вобравшей дидактические традиции буддийской литературы, и сегодня остается актуальной.

Литература

1. *Дугаров Б. С.* Звезда кочевника. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 256 с.
2. *Ленхобоева-Артугаева Н. Т.* Весенние звезды. — Улан-Удэ: ИЦ «Восток», 2015. — 120 с.
3. *Мещеряков А.* Взгляд на пространство и пространство взгляда // Иностран. лит. — 1983. — № 5. — С. 251–255.
4. *Соколова-Делюсина Т. Л.* Предисловие // Бусон Ёса. Стихи и проза / пер. с япон., предисл. и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. — СПб.: Гиперион, 1998. — С. 5–18.
5. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. — СПб.: Академический проект, 1999. — 512 с.
6. *Дашням Л.* Үйсэн дэвтэр (Берестяная тетрадь). — Улаанбаатар: «АД-МОН» компанид хэвлэл, 2012. — 230 х.
7. *Очиров Д.-Д. Э.* Буряад-монгол угсаатамнай, сэрэг монгол утхамнай (Бурят-монгольский народ, наши монгольские корни). — Улаан-Удэ, 2010. — 276 х.